

Париж
встречает
дождём

18+

Людмила Дюбург

роман

Людмила Дюбург

Париж встречает дождем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63683046

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-99093-7

Аннотация

Бывший зек, авантюрист и мечтатель Соломонов, выйдя из тюрьмы, отправляется в путешествие на Таити. Вернувшись, заходит к Вере Беловой, директору турфирмы, показывая свои «приобретения»: старые письма, купленные в Париже. Интерес вызвало любовное послание, написанное неким французом более четверти века назад. Желая узнать, чем же закончилась французская «лав стори», Белова отправляется в Париж с группой клиентов. В дождливый осенний день встречается с Тьерри – интеллигентным, нескладным французом, еще не подозревая, каким образом он связан с героями загадочного письма. Ей, новоявленной «бизнес-вумэн», предстоит узнать, кто же была та самая легкомысленная женщина – бабочка, которой так страстно признавались в любви. И дойти до истины, убедившись, что иногда «мир у ног», предлагаемый искренне и щедро, может быть выражен всего лишь мазком краски на потолке, символизирующим «траву» для любимой. «Когда иссякнет в мире любовь – закончится человеческая история...» – тема романа.

Содержание

От автора	4
История первая: ностальгическая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Людмила Дюбург

Париж встречает дождем

От автора

Лет двадцать тому назад Париж встретил меня дождем, но настроение было солнечным. Оно и не могло быть другим, ведь казалось, что все только начиналось. В жизни, в стране, в бизнесе. В начале 90-х мы ринулись открывать «заграницу», о которой мечтали. Неулыбчивые, настороженные, сохранившие привычки «стайного» образа жизни, наивные, с кучей комплексов...

Первая история «О, руссо туристо, облик морале» – как раз о том. Калейдоскоп, мозаика персонажей, оказавшихся на одну неделю вместе. В Париже. Это легкое «ностальжи» по моментам, когда так многого еще не было: денег, возможностей, разочарований и успехов. Но все же было так много: надежд, азарта, легкости. Уверенности в том, что все получится.

Сегодня пасмурно в мире. И Париж здесь ни при чем. Он такой же прекрасный, шумный, безалаберный. Может, лишь только чуть-чуть растерянный. Беспокойство вошло ко всем нам бесшумно, поселилось и как-то незаметно стало частью нас самих. А, может, оно и не кончалось никогда, лишь ино-

гда давало передышку?

Отец Тьерри Лакруа – одного из персонажей повествования – написал пьесу «Si vis pacem, pacem fac» – хочешь мира, готовься к миру. Месье Лакруа прошел немецкий плен, и, видимо, имел полное право переиначить известное выражение. Правда, мир так и не увидел пьесу, как, впрочем, и устойчивого мира. Спустя почти полвека, журналист Вера Белова, с которой мы познакомились в том же Париже, написала статью «Только у диких и дряхлых народов история пробивается убийствами». Ее пацифистский призыв не поняли не только в мире, но даже в собственной редакции.

Судьбы Тьерри и Веры пересекутся на несколько часов. Два разных характера. Две культуры, две страны. Но говорить они будут о том общем, что объединяет. О том, что не имеет ни национальности, ни пола, ни религии.

«Когда иссякнет в мире любовь – закончится человеческая история. Мир, по-моему, активно к тому стремится, взяв курс на саморазрушение. И только крохи любви ко всему настоящему с трудом тормозят этот процесс». Признаюсь, что мысль, озвученная в самом конце двух в общем-то незатейливых историй, принадлежит не мне. Но она была нужна для подтверждения того, что самое простое, то самое незатейливое и есть настоящее, то самое главное, что внутри нас.

Собственно, все просто: настоящее – это жизнь. И, как бы мы не вязли в синтетическом, виртуальном, опасном мире,

пока есть вкус к жизни, пока инстинкт сохранения ее будет сильнее фатальности конца, у нас будет шанс удержаться.

О чем обе истории? О чувствах, отношениях. О вечном и мимолетном. О Париже! О нас – таких разных, живущих суетно, быстро, но способных еще, к счастью, иногда оглядываться. Останавливаться и замирать.

Людмила Дюбург.

История первая: ностальгическая Вера. О, руссо туристо, облико морале!

*«J'ai deux amours: mon pays et Paris»
(Две любви у меня: моя страна и Париж. из
репертуара Жозефин Бейкер, 30-е годы)*

Вместо предисловия

Хорошо помню, как мы с ней познакомились.

...2004 год, Париж, Монмартр, лето. Через два столика от меня на открытой террасе одного из сотысячных парижских баров сидит худощавая темноволосая женщина. Элегантный наряд – сиреневое платье, сумка в тон обуви – кажется несколько неуместным в этом богемном месте. Перед ней – нетронутый бокал рислинга. «Русская», – определяю сразу же, хотя пол-лица «сиреневой дамы» скрывают темные очки, и она не произнесла ни слова.

Наших можно вычислить даже по спине. Походке. Молчанию. Взгляду. Сумке в тон, выглаженным джинсам и прочим деталям закомплексованного когда-то общества, которое, однажды вырвавшись в Европу, пытается то ли потеряться в общей массе, то ли, напротив, – выделиться. Главное – не слиться! «Как вы догадались, что мы из России?» – недоумеваем мы. Отвечая, нам ставят чуть не в укор, начищенные ботинки, броский макияж в любое время дня и ночи, страсть к брендам, расточительство, громкий смех и еще кучу других полуиздевок, полу-придинок, которые должны были бы дать понять, что у нас всё «не как у них».

«Ну, да», – сказала себе, посмотрев на запотевший стакан на своем столике. Всегда есть нечто, что нас роднит. Сейчас, например, эти два бокала с вином, налитым из одной бутыл-

ки.

Рядом раздалось пение. Молодой парень с безмятежным выражением лица выводил что-то из духовной музыки. Было божественно. «Русская» повернулась в сторону музыканта, сняла очки. Я не видела ее глаз, но была абсолютно уверена, что в них светилось выражение «ностальжи» – так европейцы называют способность русских реагировать на музыку. Не ясно, почему и по чему именно «ностальжи». Но, думаю, у меня в этот момент выражение глаз было похожее. Сентиментальность, чувствительность, порывистость – тоже наше. «У вас всегда всего «троп». То есть, «слишком»», – констатируют французы, то ли иронизируя, то ли удивляясь. Что ж, есть такое. Впрочем, может, просто у нас с вами «додаторы» разные?

В этот момент к «сиреновой» подскочил художник, поймав ее взгляд. Глазки у него были плутоватые, но внешность – Модильяни! Пятнадцать минут назад он так же, схватив мой взгляд, привязался, предложив нарисовать портрет. Творение закончил минут за десять, назвав его «русской Джокондой» – естественно, национальную принадлежность определил сам, сразу же. И определил бы, даже если бы я с ним заговорила по-китайски.

Так же бойко «Модильяни» обрабатывал незнакомку, имевшую неосторожность одарить его полуулыбкой. Обрадовался и, засыпая комплиментами («О, мадам! шармант!»),

стал быстренько черкать в своем альбоме, приговаривая про глаза, волосы, etc. Приблизившись на опасное расстояние, вдохнул аромат духов: «О, «Шалима-а-ар!»». Лесть любимому парфюму, видимо, окончательно должна была заставить «мадам» сдаться. Продолжая игру, уличный художник, мило потупившись, сказал, что все сделает бесплатно.

В общем он все же нарисовал, а она конечно же заплатила. Сравнивая рисунки, мы и познакомились. Портреты оказались похожими, чувствовалось, что рука у рисовавшего была крепко набита на «Джокондах». Овал лица, губы, нос – все стандартно, как по шаблону. Слишком правильно и красиво.

И все же... Как ни удивительно, но художнику, в лучших традициях школы Монмартра, удалось уловить и передать настроение моделей. Оставляя за скобками свое собственное, могу сказать, что вот эту легкую грусть, мечтательность, это самое «nostalgie» он в ней увидел быстро, за отведенные десять минут.

Выяснилось, что в прошлой жизни она тоже была журналистом, мы и работали в одном здании, только в разных газетах. Позже, когда началась повальная эпоха бизнеса малого и большого, парижская знакомая сделала крутой вираж, создав туристское агентство. Услуги в стране когда-то невыездных граждан оказались востребованными. Да еще как! Будто каждый стремился наверстать упущенное за все предыдущие поколения. Казалось бы, такая красивая сфера деятельности, со стороны посмотреть – обзавидуешься.

Но она сравнила свое агентство с гаремом, а себя – с наложницей: «Женский бизнес. Чтобы нравиться, всем угодить надо». Разрулив очередную конфликтную ситуацию, обласкав виайпишника и заодно его чванливую жену, поторговавшись с ребятами в погонах о сумме платы, чтобы отстали, выслушав трехэтажный мат от одного и послав таким же другого, поунижавшись перед тем, перед этим, перед всеми сразу, стонала: «Ужас! До чего докатилась! Что делаю? Чем занимаюсь?» Та, которая когда-то двумя фразами могла размазать чиновника, банкира, зарвавшегося торговца, а теперь за пару тысяч долларов готовая бежать к ним взбивать подушки, пыталась помнить о достоинстве, держать марку и «сохранить лицо».

Хочется красивой жизни? Тогда не строй из себя дворянку. В бизнесе начала 90-х сформировались свои правила: делать вид. Все знали, *как*. Как *всё* делается. Но мысленно, между собой, договорились молчать. Правило голого короля. Выйти на площадь и крикнуть: «Король голый?!» Такая идея и в голову никому не приходила. Все же понимали: в лучшем случае – не услышат. В худшем – придут.

Когда же это началось? Когда бывшие отличники и бывшие двоечники объединились в единое броуновское движение, в хаотичности которого тем не менее образовалась строгая последовательность.

1994 год, июль. Рейс Москва – Париж.

Вера Белова, директор частного туристского агентства со звучным названием «Эсперанс-тур», сопровождала первую в ее жизни группу туристов, летевших в Париж. Она очень нервничала, стараясь тем не менее не выказывать своего волнения. Рядом с ней сидела Светлана – студентка из Тюмени, «Светик», как ее назвал молодой парень, провожавший в Шереметьево. «Вы там приглядывайте за Светиком», – просил он Веру, и она обещала.

– Что желаете? Вино белое, красное, сок яблочный, томатный, апельсиновый? – вопрос стюардессы отвлек от тревожных мыслей.

– Белое, пожалуйста. – Вере почему-то всегда казалось, что белый цвет вина придает пьющему больший шик. Может, потому, что красное неизменно ассоциировалось с портвейном – напитком студенческой юности.

Светик выбрала красное. Понятное дело, у нее еще не было ассоциаций. Она добровольно вызвалась быть помощницей Веры в сопровождении группы. Точнее, одной ее половины – той, что подогнал молодой парень Костя, агент из Сибири. На стадии оформления поездки Костя клянчил скидки и божился, что он за своими сибиряками будет «глаз да глаз», и, если что, даже – в глаз. Ведь это только считается,

что народы Севера имеют характер нордический, темперамент флегматический. Ничего подобного! Если что не так, то гневаться Сибирь будет жестко.

Впрочем, сибирский регион, представленный тремя супружескими парами, в том числе двумя из них с детьми, Светланой и самим Костей, не вызывал особых опасений. Кроме, возможно, самого Кости, которого можно было вообразить в любом бизнесе, только не в туризме. Весь какой-то несобранный, безалаберный, вечно все забывающий, Костя тем не менее обладал важным качеством: общительностью. У него был талант находить друзей, которые становились его клиентами. Или, правильнее, он находил клиентов, которые становились его друзьями. Благодаря этой своей способности Костя давно уже работал сам по себе, имея солидную клиентуру. Иметь такого агента для небольшой московской турфирмы считалось большой удачей, поэтому Вера заранее отпустила ему все грехи.

Они потягивали вино и болтали. Для Светланы – красотики, настоящей купринской Олеси – это была первая в ее жизни заграничная поездка со всеми вытекающими отсюда ожиданиями: увидеть Париж, пошопинговать, познакомиться с французом, для чего девушка старательно зубрила фразы из путеводителя: «Же м'апель Светлана»¹, «Ж'абит Тюмен»² – А правда, что французы русских любят? Или не любят?

¹ «Же м'апель Светлана»: Je m'appelle Svetlana (*фр*), – меня зовут Светлана.

² «Ж'абит Тюмен»: J'habite Tyumen (*фр*) – Я живу в Тюмени.

И по-английски не говорят? Или все-таки говорят? А еда у них какая? А правда, что они экономные? Как они вообще? В смысле культуры? Говорят, что они целыми днями пьют кофе в барах и глазают на женщин. А я тут список музеев составила, надо бы как-то успеть везде...

Светик задавала вопросы, Вера что-то бормотала в ответ. Конечно же улыбаясь, своим видом доказывая и показывая: ты, дорогая, в надежных руках. Все у тебя будет: и музеи, и магазины, и влюбленные французы. Внешняя раскованность должна была спрятать ужас, охвативший Веру с минуты посадки в самолет: а вдруг их не встретят? Да, конечно же не встретят! Нет, определенно не встретят! Развели ее, как полного профана в туризме, наобещали, а она как дурочка попала! О, боже мой, о, маммамия, что же делать? Что она будет делать с ними? Со всеми, кто тут сидит, пьет... Костя-то как налегает! Скидку получил, едет практически на халяву и, похоже, уже заранее переметнулся в лагерь туристиков-друзей, оставив Веру наедине со своими страхами, сомнениями и заготовленными на случай чего французскими фразами, написанными русскими буквами на самодельных карточках.

– Вера Сергеевна, а мы скоро прилетим? – Петя Точилин торопился на свой день рождения, который папа, директор табачной фабрики, обещал сыну отметить в Диснейленде. Петя умный, воспитанный мальчик. И наблюдательный. Наверное, заметил растерянность на лице Веры и, поняв ее по-своему (типа, «Не приставай ко взрослым»), попросил до-

бавки сока у стюардессы, не дожидаясь Вериного ответа.

«Да почему не встретят-то?» – другой внутренний голос пытался успокоить ту, которая паниковала.

* * *

Страх поселился не сразу. Напротив, Вера была очень смелая, когда она, способный, преуспевающий журналист, вдруг решила сделать резкий поворот в своей карьере, создав небольшую туристическую компанию.

– Ты с ума сошла! Зачем тебе это? Здесь ты ногой дверь открываешь, а там ты кто? Никто! – коллеги по журналистскому цеху отчасти, конечно, были правы.

– Все правильно. Уходи. Хватит за копейки пластаться, – нашлись и те, кто поддержал новоявленную «бизнесвумен».

– Ого! «Руссо туристо, облик морале!» – Андро из иностранного отдела, немало поездив, знал, как называют туристов – и особенно туристок – из России.

По правде сказать, в туризме корреспондент Белова действительно ни черта не понимала. Съездила один раз в Париж, поахала, поахала, статью написала. Заголовок содрала из анекдота про армянское радио: «Чем отличается мужчина от Парижа?» Ответ и стал заголовком: «Париж – всегда Париж!» К тому же, она переходила в службу. Ногой – не ногой, а рукой пожимавшая и президентские руки, и

другие, такие же важные, вот так просто, разом, взяла и низвергла себя. Имелись и прочие аргументы против: ей было уже хорошо за тридцать, семья, дети... Она не знала – забыла за ненадобностью! – ни одного иностранного языка и понятия не имела, как будет общаться с иностранцами. Для старта ей многого не хватало: гламурности, например. Да просто нормальной одежды – в ее прежней жизни наряды как-то не особо требовались.

Она так любила эту ауру, эти ночные журналистские бдения, едкий юмор, любила своего вальяжного шефа, его кабине-тик, где свободным от бумаг был только потолок. Любила наблюдать, как он, окутанный дымом, правит ее материалы, оставляя иногда от оригинала лишь фамилию автора, при этом неизменно, будто извиняясь, говоря: «Чуток подправил». Любила лихорадку при сдаче номера, ее приводили в восхищение оригинальные заголовки, после которых уже не обязательно было читать текст.

И все же постепенно ро мантизм профессии уступал место коммерции. Журналистика превращалась в бизнес. Редакцию завалили платными заказами. Работать над словом, идеей, стало бессмысленно. Рекламные тексты, скучные и похожие, помогали газете выжить, но читатель уходил. «Игорь, ты хоть материалы свои читаешь?» – в сердцах спросила Вера коллегу по отделу, работая над очередным выпуском. «Я их считаю», – ответ был настолько блестящий в своей махровой откровенности, что Белова поня-

ла одно: всё. Надо бросать. Считать в другом месте. Она писала сама себе и своей семье расписки: «Обещаю уйти сразу после Нового года... после статьи про фармацевтов... кондитеров... репортажа о... интервью с...»

Бумажки складировались, Вера по-прежнему бегала на пресс-конференции, денег катастрофически не хватало, но она не решалась. Если бы не добило последнее: октябрь 1993 года. Расстрел Белого дома тогда еще его называли Верховным Советом).

Белова не поддержала официальную линию газеты, поражаясь своим коллегам. Такие активные, такие все мегакоммунистические, они вдруг резко перековались в оппозиционных либералов, выступая против того, чему еще вчера прилежно молились. Возглавляя отдел экономики, Белова не лезла в политику, ее тошнило от одной только мысли сидеть на парттусовках. К тому же ей не нравился ни один из лидеров – ни Горбачев, ни тем более Ельцин. Он как-то заходил к ним в редакцию. Маленькие заплывшие глазки, хитрая улыбка. Громовой гнусавый голос. Банальные фразы, которым почему-то придали особое значение. Она ему не верила.

Позже, когда случился этот трагичный конфликт в центре Москвы, Белова поставила под сомнения логику действий власти. Прошла по больницам, познакомилась с ранеными. Ужаснулась. Среди них были совсем подростки... Одному из тех, кто «постоял-посмотрел», ампутировали ногу, мать убивалась: «Как это пережить? Как жить даль-

ше?»

Получив разрешение редактора, Вера написала острый материал. «Только у диких и дряхлых народов история пробивается убийствами», – так называлась статья. Заголовком стала фраза Герцена, а уж он-то знал толк в революциях. Материал оказался резонансным, собравшим огромную почту. Одни ее благодарили: «Ну, наконец-то, нашелся журналист, выступивший против президента – убийцы...», другие бомбили за поддержку «депутатов-бандитов», обвиняя в непонимании важности момента, требующего жертв – пусть даже и таких тяжелых. Первых, надо отдать справедливость, было гораздо больше. Но ведь и вторые были!

Редакционный коллектив тоже разделился на два лагеря. Она оказалась в меньшинстве. Критика выплеснулась на страницы своей же газеты. Это стало последней каплей. Однажды, после очередной разгромной статьи одного из «экс-товарищей», сравнившего ее с экзальтированными придурками-кликушами, Белова, придя домой, написала последнюю, окончательную, расписку: «Ухожу. Точка».

* * *

Да уж...

– Всё? В свободное плавание? Уплываешь, значит?

– Ухожу. Ухожу в плавание, – машинально на автомате шлифовала фразу теперь уже бывший журналист

– Ну ты и авантюристка! – удивлялись друзья.

Точно. Внешне серьезная и благоразумная, Вера по натуре была оптимистическим пессимистом. В ней сочеталось несочетаемое: неуверенность и решительность. Она как бы намеренно возвращала своего двойника: успешного, авантюрного, способного преодолеть свои комплексы. «Распорядочная и честная-пречестная», Вера Белова, как хладнокровный игрок в покер, могла блефануть и настолько увлечься собственным блефом, что сама переставала отличать, где голая правда, а где немножко прикрытая.

С блефа, по сути, все и началось.

Заявившись в марте 1994 года на международный туристский салон, проходивший в Москве на Красной Пресне, в своей абсолютно непрезентабельной, выдавшей виды куртке, мокрая от снега, она надеялась только на то, что придуманная заранее легенда выведет, куда надо. Главное – не тушеваться и верить в удачу.

Вера искала укромное местечко, чтобы хоть как-то себя в порядок привести: куртку снять, свитер поправить. И – очутилась рядом с французами.

– Снежана! Комман са ва?³ – к маленькой брюнетке, стоявшей у стенда «Ринг-вояж» подошел мужчина, и они стали говорить на языке, похожим на югославский, перемежая его с французским.

Брюнетка смеялась, всем видом показывая, что «са ва»,

³ Комман са ва? – comment ça va? (фр.) Как дела?

то есть «дела» идут в общем неплохо. Заприметив стоявшую в сторонке Веру, успевшую-таки снять мокрую куртку, мужчина спросил по-русски:

– Вы ищете партнеров по Франции? Рекомендую: Снежана Бонжоло. Туроператор «Ринг-вояж».

«Так, ну, со своими легче, все же славяне», – позже она убедится, что выбирать партнеров по национальному признаку – опрометчиво, но это будет позже. А пока Вера попросила югослава побыть переводчиком.

Снежана предлагала групповой тур «Окно в Париж». Программа стандартная: отель, три экскурсии, обязательный полупансион. «Окно» открывало мир путешествий, тот мир, который стал совсем недавно таким близким и реальным, таким доступным и заманчивым, что дух захватывало! Доступность, конечно, была условная, потому что, хотя и стали сбываться мечты, но денег никто не отменял. Рассчитывать надо было на тех, кто, несмотря на общее пролетарское прошлое, уже успел увидеть и даже подкопить первые доллары.

Брюнетка нахваливала свои программы. Вера вспомнила, как они жили вчетвером, с двумя маленькими детьми, в Париже, где-то в районе Бастилии. Двухзвездочный отель, крошечная комната под крышей, со скошенным потолком. Этокое романтичное пристанище либо для поэта, либо для горничной. Каждое утро француженка из дома напротив открывала обычное окно в Париже, трясла скатерть, и крошки сыпались на головы прохожих. Смотреть на француженку ста-

ло ритуалом, и та, на третий день пребывания заметив Веру, весело ее поприветствовала, не выпуская скатерти: «Бонжур!» Это было, почти что, единственное французское слово, с которым Вера ринулась на «Ринг-вояж».

– Ваша визитка?

– Сорри, уже нет, все раздала, – она сказала это максимально искренне, пошарив для убедительности в сумке.

Визиток не было, так как попросту не было фирмы. «Эсперанс-тур» тогда еще не родился. Была лишь «эсперанс» – надежда на его создание.

Визиток не было. Была интуиция. Уловив, что Снежана предлагает за дополнительную плату посещение Евро-Диснейленда, Вера изменила приготовленную байку. Уверенным и одновременно нежнейшим голосом она сказала, что ее фирма занимается отдыхом детей, что у них ассоциация (это слово, подумала она, внушит доверие к «мадам» без визиток), и им бы хотелось включить Диснейленд в программу тура. Под конец она и сама поверила в то, что сочинила, заметив себе, что все же журналистика научила говорить правду дозированно, но вдохновенно.

– Зачем вам Диснейленд? Это будет дороже! Кто захочет – сам поедет.

Как она могла объяснить ей, что сам никто не поедет. Без знания языка – не отважатся. Не доедут. А если доедут – не вернуться. Заблудятся, потеряются, останутся. И как убедить в том, что им, взрослым, заработавшим первые долла-

ры, приманка Диснейлендом может показаться заманчивой. Им, взрослым, может, даже больше, чем собственным детям, захочется пожить денек в волшебном детстве. Свое было куда скромнее: качели – карусели, девушки с веслами и пионеры с горнами.

Снежана взяла калькулятор, прикинула, посчитала. Цена поднялась незначительно, но при условии: в группе должно быть не меньше пятнадцати человек, а часть оплаты – наличными долларами.

– Вы поняли? Доллары. Налично. О’кей?

– Уи, д’аккор⁴

* * *

– Извините, а где деньги менять будем? В аэропорту или, может, в городе? – Рославлев, работник московского банка вернул Веру к своим обязанностям сопровождающего группы, заставив собраться и прекратить нервничать.

Ясный пень, о чем ему еще спрашивать: о деньгах. Банкир все же. Это Светик про музеи и французов думает.

– Да посмотрим. Может, и в городе. Спросим у принимающей стороны.

«Спросим». А если спрашивать не у кого будет? Если никто за ними не приедет, у кого тогда спрашивать? Вера спра-

⁴ Уи. Д’аккор. – Oui. D’accord. (*фр.*) Да, согласна/согласен.

зу решила, позора не переживет и сбежит. Просто вот, как Нуриев, прыгнет в никуда. Или спрыгнет. Вопрос – откуда. Сена далеко, и башня Эйфелева не рядом.

Кстати, о деньгах. Вера Сергеевна потрогала «наличку», мирно пригретую на груди. Последний раз она зашивала деньги в нижнее белье, когда мама отправляла их с младшим братом поездом из Москвы к бабушке.

Если бы теперь ей, такой успешной и респектабельной, такой законопослушной, кто-то сказал, что она была способна провезти через таможенный контроль лишний доллар, Вера бы ответила: это не про нее. Это невозможно. Незаконно. Задержат на границе. Но тогда мысль была одна: выполнить условие Снежаны.

...На открытие фирмы ушло не более недели. С офисом помог один из читателей, позвонивший в редакцию после той статьи про «дикие и дряхлые народы»:

– Мне понравилась ваша статья, – сказал незнакомец.

– Спасибо. Она была последняя. Я ухожу, – ответила Белова.

– Куда?

– Думаю. Мысли есть – денег нет.

– Понадобится помощь – приходите.

Они встретились позже, когда идея о туризме окончательно вызрела. Человек, предложивший помощь, оказался владельцем огромной компании, ведущей деятельность в разных направлениях: логистика, транспорт, строитель-

ство. Предприятие, созданное с нуля, процветало. Внешне незнакомец напоминал инженера-физика, переодетого в ковбоя: хрупкого телосложения, невысокий, умные, пронизательные глаза с прищуром, лукавая улыбочка. На нем была кожаная куртка, свитер крупной вязки. Завершал портрет большой перстень на левой руке: то ли для форса, то ли для солидности.

– Чаю? – кофе он никогда не предлагал, как потом убедится Белова.

Они пили чай в стаканах с подстаканниками, разговаривали, и у Веры глаза на лоб лезли. Перед ней сидел совершеннейший социалист-утопист, такой Роберт Оуэнспособе ⁵, вдруг нечаянно воскреснувший и перелетевший из девятнадцатого века в двадцатый для коррекции своего учения. Его высказывания представляли собой гремучий коктейль, как если бы филантроп с энтузиазмом рассуждал об изобретенном им особом, супергуманном выкачивании прибыли. Она слушала этого богатого безумца, входящего в число первых российских миллионеров, ни на что не надеясь, и вышла с ключами от офиса, данного ей бессрочно и бесплатно.

Вот так.

Мистер Оуэн мог бы гордиться своим русским потомком. Он будет долго помогать ей, ничего не прося взамен. А затем исчезнет. У англичанина было по-другому: предприятие провалилось, а великий утопист остался. У потомка – на-

⁵ Роберт Оуэн: (1771–1858), английский философ, социалист – утопист.

оборот: предприятие будет здравствовать, а основатель, этот непримиримый «физик-ковбой» с глазами мечтателя, сдастся, устанет бороться. Он будет стерт, раздавлен, изгнан. И урожай от его «пашни» пожнут другие...

Она назвала фирму «Эсперанс-тур», то есть «надежда» – по имени дочери. Лого придумал сын, которому тогда было девять лет. Написала письмо Снежане, напомнила о договоренностях. Та не забыла москвичку, попросившую включить в программу Евро-Диснейленд: «Помню, помню. У вас все еще нет визиток?» – раскусила уловку французженка со славянскими корнями.

Память у обеих была хорошая. Вера четко зафиксировала оговоренную на первой встрече цену за тур. Снежанна – требование оплаты «налом».

Перед набором группы ее охватила паника: «А если не наберем? Ой, не наберем». К счастью, интуиция сработала: программа понравилась семейным парам с детьми. Численность группы, таким образом, почти в два раза превысила необходимый лимит. К тому же поездка совпадала с празднованием Дня взятия Бастилии, и «Эсперанс-тур» сделал на это ставку в рекламной компании.

** * **

До Парижа оставалось минут тридцать. Вера вытащила карточки с французскими фразами. Положила в карман по-

ближе: кто знает, какие понадобятся? Как же она волнуется! От переживаний в который раз обратила внимание, что перестала чувствовать вкус еды. Что ела, что не ела – вкус не помнит.

«Господи, шасси выпущено. Земля! Париж!»

– Бонжур! – их конечно же встретили. Уфф!

Не выражая никакой особой радости, – а, что, собственно случилось? Все идет, как вам, господа туристы, и обещали, – Вера выдохнула и натянула на себя маску уверенного спокойствия.

Спустя много лет, она побывает в музее Д'Орсэ на выставке бельгийского художника Джеймса Энсора. Разочаровавшись в какой-то степени в человеческих отношениях, отгородившись от мира, обиженный и отверженный, Энсор принялся рисовать людей в масках. Вместо лица – маска. Она, полагал Энсор, отражает то, что люди стараются прятать, и прятать поглубже: гнев, злобу, лицемерие, страх. Так художник решил отомстить: знайте, человечки, кто вы есть на самом деле! Это было сильно. Дальше – больше: Энсор перешел на маски-скелеты. Вера интерпретировала такой переход по-своему: возможно, маска-скелет – и есть последнее обнажение, беззащитное, беспомощное, когда открывается скрытое, и показывает, кто есть кто. Это и есть самая честная человеческая маска. Впрочем, она читала противоположную критику тоже. Так или иначе, ее бы Энсор нарисовал под маской страха. Это было

бы откровенно. Честно.

Страх поднимался прежде всего из-за чрезмерного, гипертрофированного чувства ответственности. Что, в свою очередь, можно объяснить желанием угодить всем, нравиться всем. А надо ли? Психологи, вероятно, нашли бы здесь перекося, порылись бы в детско-юношеских годах, припечатав все то, что, с одной стороны, ей мешало (перфекционизм, например), с другой – двигало вперед.

По дороге в отель откуда-то из закоулков подсознания опять вынырнул страх: а вдруг их ждет помойка? Снежана уверяла, что отель расположен в центре Парижа. «Шарм франсэ», – она так часто это подчеркивала, что Вера уже стала волноваться, как бы та цену не повысила за «шарм». «Уи, д’аккор», – посмотрим на ваш шарм.

Отель назывался именем швейцарского города.

Однажды Вера остановится в Лозанне, в роскошном отеле паласе на берегу Женевского озера, и познакомится с его «достопримечательностью» – мадам Миллер. Перешагнув, что называется, преклонный возраст, мадам начала учить иностранные языки. Один, второй, третий... девятый, десятый. Она могла общаться на китайском, японском, арабском, всех европейских, русском.

Французская «Лозанна» оказалась довольно миленьким, уютным отелем. «Не палас, но и не сарай», – констатировала с облегчением Вера.

– Бонжур! Бьенвеню⁶, – улыбочивый красавчик на рецепшн светился радостью, как будто всю свою французскую счастливую жизнь только и ждал группу русских туристов. – *Зразтвуйте! Дабро пажаловат*, – добавил он уже по-русски.

– Ну прям Ален Делон, – шепнула Вере Тоня Власенко, путешествующая с дочерью Олей и мужем Владимиром Ивановичем, ответственным работником министерства лесного хозяйства.

– *Дабро, дабро*. Чемоданы бы лучше поднял, – Власенко с сожалением вздохнул, перепутав, наверное, на секунду «Делона» с собственным шофером.

Туристы потащили багаж – мини-лифт мог уместить только счастливчиков сорок четвертого размера, так что остальным пришлось подниматься по каким-то кукольным лестницам. Габариты и чемоданов, и их владельцев были явно в противоречии с шармом «а-ля франсэ». Слава богу, никто не повторил оплошность Карла VIII⁷, который вот так же шагая по своим покоям, не наклонил вовремя голову. Король ударился лбом о притолок и – умер.

Тьфу-тьфу! О чем это она? Расслабляться было некогда. Убранство французской «Люзанны» чем-то вызвало в памяти запретные в школе романы Золя и Мопассана. Высокие кровати с затейливыми спинками, кое-где даже с балдахин-

⁶ Бьен Веню – *bienvenue* (фр.) Добро пожаловать.

⁷ Карл VIII (Charles VIII) – французский король (1470–1498 гг.).

ными («Для молодоженов, наверное», – догадалась Вера), пышные покрывала. Все говорило о том, что постели французы всегда придавали большое значение. Приглушенные стены, обитые тканью, мебель с претензией на стиль то ли Людовика XV, то ли его несчастного внука, казненного неподалеку⁸

Поднявшись в свой «будуар», Вера перво-наперво вытащила вспотевшую «наличку», благополучно прошедшую зеленый коридор. Разложила доллары кучками сушиться на королевское покрывало и побежала осматривать своих «гвардейцев», заранее подготовившись к атаке. Стиль, короли, балдахины – это, конечно, красиво, но в отеле не было кондиционера! Казалось, все они предусмотрели, но про кондишеры не спросили. А в 90-х ими были оборудованы лишь немногие трехзвездочные отели и этот – о горе ей! Корреспондент, называется! Не могла собрать сто процентов информации, – такого комфорта не имел.

Вера постучалась в комнату Власенко. Ответственный работник министерства лесного хозяйства обливался потом, возлежа на высокой кровати в позе Сарданапала с картины Делакруа⁹. Синие треники, впрочем, напомнили Вере коврик «Русалка на берегу» у бабушки в деревне.

⁸ Внук, казненный неподалеку: Людовик XVI, французский король (1754–1793).

⁹ «С картины Делакруа в позе Сарданапала»: картина Делакруа «Смерть Сарданапала»

– Что же ты, уважа-а-емая, – у Владимира Ивановича была манера говорить нараспев, – поселила нас в эту дыру-у-у!

– Володя, ты хоть прикройся, ну что ты. Но они же не виноваты, – вступилась за Веру жена отврабминлесхоза.

– Да лаа-дно тебе, – «русалка» промокнул вспотевшую грудь полотенцем.

– Владимир Иванович, давайте поменяемся номерами, если хотите, – великодушие Веры не знало границ.

Власенко заинтересовался было, но узнав, что менять придется шило на мыло, смирился. Потом они подружатся, и супруги Власенко, дочка Олечка пригласят Веру к себе в усадьбу под Москвой. Тоня покажет собственную оранжерею, хозяин дома – искусственный пруд, выкопанный специально для улады глаз. Они будут сидеть в прохладной гостиной – конечно с кондиционером! – и смеяться над своим первым днем в Париже.

Ага, смеяться... Выйдя от Власенко, Вера наткнулась на Виктора и Сергея – туристов из Владивостока, которых подсунула ей Виолетта. С Виолеттой она познакомилась на какой-то туристской тусовке и та, прожженная шопница, не вылезавшая из Таиланда, мгновенно учуяла в московской коллеге неопытного новичка, предложив партнерство на своих условиях и пропев для убеждения дифирамбы, что в будущем закидает «Эсперанс-тур» туристами. Вера согласилась. А когда пожалела, было уже поздно.

Владивостокская партнерша позвонила через три недели:

– Верррунь, – Вioлетта картавила, – у меня для тебя рр-ребятишки есть и одна дамочка, – радостно так начала.

«Ребятишками» оказались молодые ребята, Виктор и Сергей, работающие в одной, кажется, авиационной компании. Вioлетта попросила для них двухместный номер, и именно им – это же надо такому случиться! – попалась комната с балдахином. Видимо, французы, по-своему поняли требование зарезервировать «дабл»¹⁰ для двух мужчин. Ребята смутились:

– Нет, но мы, конечно, можем... То есть, не можем, ну, не будем, то есть, ну не можем, ну, это... Нет, ну, как бы нам, короче, вот эту тряпку убрать, – Виктор показал на кокетливый занавес над кроватью.

– А что, разве так не бывает, чтобы кровати по углам? Ну, как у нас? – Сергей пошел дальше в своих рекламациях.

«Ну, ну... баранки гну...» – Вера хоть и ворчала про себя, а была полностью согласна: это что еще за порнография? Люди первый раз в Париже, справочниками запаслись, такие, можно сказать, одухотворенные. А их сразу в койку вдвоем. Французы, впрочем, так далеко не мыслили: какая разница – «дабл», «твин»¹¹, одна кровать или две.

Ситуацию разрулила кардинально: попросила twin, то есть номер с отдельными кроватями, благо, такая бумажка с фразой у нее имелась. Вдох – выдох! Теперь «дамочку» про-

¹⁰ Дабл: double (англ.), двухместный номер с одной двуспальной кроватью.

¹¹ Твин: twin (англ.), двухместный номер с двумя отдельными кроватями.

верить. Виолетта изначально предупредила, что это та еще «овца». Сколько бы у Веры ни было в дальнейшем групп, самых расхороших, она всегда готовилась к тому, что обязательно найдется некая «овца», которая может взбаламутить все «стадо». Люди этого типа, как правило, либо комплекс имеют, глубоко запрятанный и никому не видимый, либо карму невезучести, что научило их защищаться. Психологически подобное поведение объяснимо, они сами себя программируют на проблемы: «Все будет плохо», и конечно все пойдет наперекосяк. Чемодан потеряется, нога сломается, кошелек украдут.

«Дамочку» звали Татьяна Панова. Это была молодая милостивая женщина примерно лет тридцати – тридцати трех. Стройная, ухоженная, аккуратно одетая – идеальный помощник главного менеджера крупной компании. Тип людей, облеченных в общем-то маленькой властью, но с большим апломбом. Начальство наградило верного секретаря поездкой в этот ветреный – «развратный»! – Париж, но иммунитет на «всякие такие штучки» у Пановой был крепкий. Пока крепкий,

От нее хотелось смыться, и побыстрее. Вера сначала не поняла, в чем дело, а позже сообразила: Панова или не улыбалась вовсе, или улыбалась слишком уж скупой. Ее совершенно невозможно было представить смеющейся взхлеб – так, чтоб рот до ушей, чтобы слезы из глаз. Вера Сергеевна опасалась людей, которые не умеют смеяться. Страни-

лась. Избегала всячески, а если и попадала в зону их тяжелой ауры, то чувствовала себя больной. Верина энергетика сдавалась без боя. Она внутренне напряглась, узнав, что Пановой тоже достался балдахин. Но, к счастью, та приняла его благосклонно, расценив как знак особого внимания. Так оно и было – «Эсперанс-тур» запросил номер VIP для «мадмазель Пановой», представив ее как ответственного работника министерства, которая потом, убеждала Вера французов, завалит (закидает, загрузит) партнеров настоящими министрами. Слышал бы это реальный отврабминлесхоза Власенко!

«Его банкирское величество» господин Рославлев остался доволен номером – счастье-то! Почти что доволен:

– Скажите, пожалуйста, – Вера напряглась от его вежливости, – а почему у нас в комнате пульт управления обтянут целлофаном? Как-то несолидно для отеля три звезды.

– Да вы что? Целлофан?! На пульте? Какой кошмар! – Вера оценила масштаб проблемы. Внешне ее реакция звучала примерно как «но пасаран»! Полная и стопроцентная поддержка рекламации клиента.

«Е-мое! Пульт обтянули! Нашел, к чему прицепиться. Да возьми и стяни этот целлофан!» – сама с собой она была более откровенна.

– Так, может, его специально обтянули, пульт-то, чтобы вы и сняли. Чтобы показать, что никто до вас не трогал. Унитазы тоже бумагой обтягивают.

Рославлев был явно озадачен. С одной стороны, ему

льстило, что, может, для него специально пульт этот чертов обтянули, а с другой – сравнение с унитазом. А с третьей стороны, – он осторожно посмотрел на Веру, не издевается ли? – как это он сам не догадался?

Всё, всё. Сейчас она войдет в свой номер и хотя бы секундочку передохнет.

К соседкам только заглянуть надо.

В номере по соседству с Верой остановились Тамара и ее подруга Кристина с дочкой Яной, москвички. Они очень долго искали фирму, которая бы им предложила тур в Париж, и в конечном итоге сделали выбор в пользу «Эсперанс-тур».

– У вас компьютер есть, – объяснила Тамара, посчитав, что компания, идущая в ногу с прогрессом, это солидная компания!

О да! Это был единственный компьютер, купленный по дешевке.

Крестину привлекла скидка в пятнадцать долларов. Мелочь, а сработало. (Особенно если учесть, что передвигаться по Парижу подружки будут исключительно на такси, шопинг делать в модных бутиках, обедать в дорогих ресторанах, а на телефонные разговоры потратят сумму, равную стоимости поездки).

– Заходите! – пятилетняя Яна прыгала на кровати (без балдахина!). Дамы подкреплялись взятой из дома колбаской, накрыв скатерку на антикварном сундуке.

– Девушки, вы уж осторожнее, не поцарапайте, мебель здесь старинная, – предупредила Вера.

– Оно и видно, вся в дырках, как будто мыши ее грызли, – припечатала Кристина, которая до Парижа была только в подмосковных санаториях.

Пришлось прочитать маленький лекшн о том, что французы обожают покупать мебель на «брокантах»¹², в антикварных лавках, о том, что вот такие, изъеденные жучками, сундуки имеют ценность гораздо большую, чем полированные «стенки» в московских квартирах. Обо всем этом партнеры тактично предупреждали заранее, наслышавшись о русских туристах.

Смешно и грустно вспоминать...

Но тогда было не до смеха. Вера вбежала в свой номер – уже не было и секундочки. Собрала просушенные доллары и побежала в агентство – платить. Встретил Стефан, муж Снежаны. Обменявшись привычным уже «Са ва? Са ва!», Стефан деловито пересчитал деньги, поблагодарил и пожелал приятного отдыха.

* * *

До вечера оставалось часа три, надо было выучить дорогу к ресторану.

¹² Брокант: brocante (*фр.*), барахолка, лавка по продаже старой мебели, предметов интерьера.

О, первые туристы! Вы, конечно, забыли, как боялись ходить по одному. Вы многое забыли: как клали дорожные уютюжки в чемоданы и гладили ими на антикварной мебели, привозили из дома колбаску и кипяtilьники, ждали, что в ресторанах вам подадут сразу три блюда одновременно или с интервалом в минуту. Вы хотели иметь сопровождающего, который бы был при вас постоянно, потому что вам было страшиновато. Неуютно. В незнакомой стране, без знания языка перемещаться группами казалось комфортнее. Вы всё хотели делать «хором». Сидеть в автобусе, гулять, есть. И да же спать. Вы требовали включить в программу обязательное двухразовое питание. Первые поездки – поездки «колхозом»

Прошло всего-то лет двадцать! Сегодня вы можете дать фору любому агентству, вы смелые, раскованные. Грамотные и прожженые путешественники. Сегодня вы другие.

Мальдивы? Сейшелы? Маврикий? Сан-Барт? – старается менеджер. Уже были? Yes, of course. Покручивая глобус, вы, как в том анекдоте, позевывая, можете попросить принести другой, посвежее. И ведь принесут! Вы отправитесь в очередной вояж, подсознательно надеясь найти восхитительное ощущение «первого раза», которое, увы, не вернет ни новый глобус, ни, впрочем, и старый.

Просматривая первые фотографии, видя себя, испуганных, восторженных, запечатленных на фоне таких вдруг

доступных достопримечательностей («Смотри, это я у башни, а это – на Елисейских»), нет-нет да нахлынет волна «ностальжи». Это было в другой жизни. Когда так многого не было, но когда было так много.

Жара. С картой города в руке Вера бежит к ресторану спринтерским бегом. Клянет Снежану и собственную доверчивость. Это же надо было такое придумать: у французов, известных гурманов, рестораны – каждые сто метров. Могли бы русским туристам и рядом что-то предложить, так нет – навязали Монмартр. От Больших Бульваров, где они остановились, до ресторана – минимум полчаса пешком умеренным шагом. Вера пробегает путь за двадцать минут, возвращается в отель и бежит назад по тому же маршруту! Дома в Париже – как гигантские «Титаники», сбивают с толку. Идешь прямо, упираешься в «корму» здания и оказываешься уже совсем на другой улице. А ей надо было дорогу запомнить, чтобы вечером с невозмутимой улыбочкой: «Все хорошо, спокойно, ребята, вы со мной», вальяжным шагом, не спеша – гуляем по Парижу! – прийти на ужин.

Она вернулась после двух пробежек «туда-обратно» за четверть часа до сбора. Впервые с момента приезда посмотрела на себя в зеркало. То, что увидела, привело ее в отчаяние: разгоряченное лицо, растрепанные волосы, глаза застилал пот, юбка съехала на бок. О, друзья, как вы были правы, отговаривая соваться в это дерьмо.

Устала зверски, еле сил хватило умыться. Лапки-душки

собрались на ужин, как пионеры на линейку. Вовремя. Костя, правда, подозрительно попахивал, так что, окончательно забив на него, Вера взяла «Сибирь» под полную опеку, надеясь на помощь Светика – благо, ее еще не успели увести французы.

Колонной, растянувшейся метров на тридцать, группа отправилась на ужин. Со стороны, наверное, они выглядели как инопланетяне: бледная кожа, женщины в нарядных платьях, в туфлях на высоких каблуках. Мужчины – в отутюженных рубашечках (гладили, небось, на полу, подстелив покрывало!). Сама она, конечно, переодеться не успела.

– Странно, а что, других ресторанов не было? – у въедливого Рославлева закрались сомнения.

«Вот, черт, свалился банкир на мою голову. Все у вас рассчитано, ни минуты даром. Идешь себе, и иди... Гуляй, дыши воздухом,» – кипела Вера.

– Вы знаете, так ведь это специально мы выбрали, – за два марш-броска, сделанных в тридцатиградусную жару, она уж, конечно, придумала версию. – Ресторан называется «Бистро на Монмартре», стены расписаны Тулуз-Лотреком¹³, настоящая французская кухня и живая музыка! – когда надо, Вера умела сочинять красиво. – К тому же с городом знакомимся. Как все путеводители и советуют – ногами.

Ее собственные ноги гудели, бунтовали и просили покоя. – Настоящий Тулуз-Лотрек? Шутите! – Саша Маркес, ар-

¹³ Тулуз-Лотрек: Анри де Тулуз-Лотрек, французский художник (1864–1901).

хитектор (из семьи потомственных российских архитекторов, как выяснилось позже), увлеченно принялся рассказывать про жизненные перипетии знаменитого французского художника, монмартрскую богему, Ля Гулю¹⁴

Рославлев, вроде, успокоился, а его жена – томная блондинка Ирина – с интересом поглядывала на Сашу.

«Во-во. Слушай умных людей. Учись, это тебе не бабки через оффшор гонять», – в мыслях она могла себе позволить быть безжалостной.

По правде сказать, оригинальная версия выглядела несколько иначе: ресторан принадлежал югославам, родственникам Снежаны и Стефана, поэтому с их стороны логично было подбросить, так сказать, по-родственному, русскую группу на комплексное обслуживание.

Знай Вера об этом раньше! Впрочем, все остальное совпадало: стены в стиле Тулуз-Лотрека, (не в оригинале, конечно, Саша это сразу определил), музыка. Синиша, пианист – потрясающий виртуоз! – заиграл в честь «братьев-славян» Брамса, «Венгерскую Рапсодию». Цыганские мотивы, видимо, должны были напомнить туристам из России что-то родное. Ну да ладно, Вера бы порадовалась и «собачьему вальсу» – лишь бы все были довольны.

Сели. Принесли «entrée»¹⁵. Голодная братия смела французскую закуску быстро и легко. И – все оставились на Веру.

¹⁴ Ля Гулю: танцовщица, модель Тулуз-Лотрека. Настоящее имя: Луиза Вебер.

¹⁵ Entrée: («вход», *фр.*). В кулинарии: блюдо, предшествующее главному блюду.

Так укоризненно смотрит обычно ее любимый йокшир, когда вместо двух куриных крыльев она ему дает одно: «Что же ты, зажала второе?»

– А как насчет второго, – сибиряки, до поры до времени не беспокоившие жалобами, спокойно переносившие жару (хотя им-то, после вечной мерзлоты, парижское солнце – просто награда), терпеливо вышагивающие в пиджачках от «Большевички», вдруг встрепенулись.

– Да вы что, есть что, ли приехали? – Светик вспомнила, что она вторая главная после Веры. – Сидите, разговаривайте. Общайтесь. В Париже в рестораны люди ходят знакомиться (тут, возможно, по Фрейду, Светик нечаянно выдала свои тайные намерения), обмениваться новостями. Вот и обменивайтесь. Обсуждайте.

Агент Костя, как настоящий штрейкбрехер, попытался было возразить, но, увидев Верин многозначительный взгляд («Попробуй только! Сейчас всем расскажу, сколько ты срубил на своей Сибири»), подавился фразой.

Больше давиться было нечем. Съели весь хлеб. Выпили первые «карафы»¹⁶ с вином. Обсудили все новости. Сравнили Эйфелеву башню с Останкинской. Вступились за последнюю: «наша выше».

А главное блюдо не несли. Вера поняла, что час пришел. Вытащив нарезанные в Москве бумажки с написанными на них фразами, она попыталась найти в их числе подходящую,

¹⁶ Караф с вином: «carafe à vin» (*фр.*) – графин, кувшин с вином.

но кто же мог предположить, что понадобится, как в советской столовой, требовать принести второе и побыстрее. Нужной бумажки не оказалось.

Выручил «Жан Габен» – так Вера окрестила для себя Петра Евгеньевича Королева, высококлассного специалиста по Франции, которого в начале 90-х нередко приглашали консультантом на российско-французские предприятия. Большой, мягкий, элегантный – он, как потом выяснится, сыграет не последнюю роль в открытии известного водочного завода, носящего старинную русскую фамилию. Королев прекрасно знал французский, а также юморные истории, анекдоты:

– Господа, если вы сидите в «бистро», это не означает, что все должно быть быстро-быстро. Кстати, а вы знаете, мадемуазель, откуда во французский язык пришло это слово? – «Жан Габен» обратился к сидевшей рядом Олечке Власенко. Олечка ответила, что учительница по французскому в школе говорила.

– О-о! Как мило. Похвально. А сколько же вам лет, милая барышня?

– Ля фамм н'а па д'аж¹⁷, – Олечка, слегка порозовев, произнесла эту фразу с достоинством настоящей парижской куртизанки. Власенко-старший, горделиво окинул взглядом сидящих за столом: знай наших! Сам он, по собственному признанию, помнил несколько слов по-немецки: «зер шлехт», «зер гут» и «натюрлих». Как покажет практика, Вла-

¹⁷ Ля фамм н'а па д'аж: «la femme n'a pas d'âge» (*фр.*) – у женщины нет возраста.

сенко неплохо с ними управлялся, периодически, для разнообразия, меняя в слове «зер» первую букву, а «натюрлих» употребляя буквально. Натурально.

Щуплый официантик, выходец из бывших французских колоний, подал наконец второе: мясо на косточке, называемое «котлетт». Посмотрев на Королева, побежал шептаться с шефом, после чего принес ему еще одну порцию. Худосочный Рославлев тоже запросил добавки, предварительно справившись по-английски: платить за это надо?

– Non, non, – мулат порадовался, что наконец-то эти не улыбочивые русские подобрали, и побежал за «карафами».

Мысленно Вера похвалила себя за находчивость: это она поставила перед Снежаной вопрос о дополнительных бонусах, учитывая, что оговоренная численность группы реально получилась почти в два раза больше. Сбивать цену Снежана категорически отказалась, но вина и добавки обещала – знала, чем русских купить!

Народ разомлел, разговорился, мулатик носился как оглашенный, Синиша старался, после Брамса перейдя на Шопена. Первый день в Париже, такой стрессовый в начале, набирал обороты и превращался в праздник.

– Простите, – металлический тембр голоса перекрыл вальс Шопена, а заодно стук вилок, ножей, стаканов и повис в воздухе.

– Я. Не ем. Мяса. И я. Об этом. Предупреждала. Я. Ем. Рыбу. – Панова – а кто же еще? – повернулась в сторону Ве-

ры.

Ольга Ивановна Точилина, врач, милейшая женщина, с сочувствием посмотрела на Веру Сергеевну. На какое-то мгновение та просто кожей ощутила симпатию людей, находившихся в ресторане.

Про то, что Панова не ест мяса, «Эсперанс-тур» был предупрежден. Виолетта отправляла факсы из далекого Владивостока: «Верунь, не забудь про рыбу для Пановой». «Эсперанс-тур», в свою очередь, слал факсы в Париж: «Chers partenaires, n'oubliez pas, s'il vous plaît, de prévenir le restaurant qu'une de nos touristes ne mange pas de viande, elle ne mange que du poisson»¹⁸

¹⁸ «Chers partenaires, n'oubliez pas, s'il vous plaît, de prévenir le restaurant qu'une des nos touristes ne mange pas de viande, elle ne mange que du poisson»: Дорогие партнеры, не забудьте, пожалуйста, что одна из наших туристок не ест мясо, она ест только рыбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.